

Дементий Н. Я не люблю «деревенскую прозу»: (эссе по рассказу В. И. Белова «На родине») / Н. Дементий // Над Шекснинской волной: альм. Шекснинского ЛИТО «Содружество». – Москва; Шексна, 2018. – Вып. 6. – С. 28–31.

Я НЕ ЛЮБЛЮ «ДЕРЕВЕНСКУЮ ПРОЗУ»

(эссе по рассказу В.И. Белова «На родине»)

Я не люблю «деревенскую прозу». Почему? Да кто его знает, не люблю – и всё!

Хотя так было не всегда. Помнится, читала в юности «Две зимы и три лета» и – горожанка до мозга костей – просто растворялась в мире абрамовской деревни с ее нравственными принципами, созвучными моему старорежимному воспитанию.

С той поры много воды утекло. Много раз я пыталась вернуть юное очарование прозой В. Астафьева, В. Шукшина, перечитать Ф. Абрамова. Но – не моё!

Сейчас делаю еще одну попытку: вслед за Василием Беловым ступаю на солнечное поле его родины.

Ступаю – и не хочу останавливаться: каким неожиданно просторным оказался язык повествования! В нем не тесно воображению. Он полон красок, звуков, запахов, прикосновений...

Иногда я «заболеваю» от примитивности бытовой речи, звучащей вокруг. Тогда я читаю Л.Н. Толстого. Его раздольные, широко текущие мысли-предложения «излечивают» меня. Кажется, проза Василия Ивановича – еще одна «таблетка» от речевой серости.

Вновь перечитываю рассказ и люблюсь его картинами: лохматая прохлада мхов, древние облачные фрегаты, прохладная русалочья постель, неистовый Ярило.... Хорошо-то как!

«Лесные угоры» и «гибельная долгая гать», «сморенные за пряжей старухи» и «черная лошадиная тропа» приятно возвращают меня в прошлое, будят забытые образы и ощущения. Мое сердце откликается на «дом с потрескавшимися углами». Точно такой был в деревне у бабушки, я приезжала туда из города на летние каникулы. Но его видение вдруг потянуло за собой болезненную цепочку желанного и невозвратимого: мама, папа.... Ой, быстрее из воспоминаний! Не хватало еще расплакаться!

Белов, в отличие от меня, хладнокровно (а может, просто отважно?) возвращается к старому заколоченному дому, идет тропинками детства. Зачем? Неужели ему не больно искать невозвратное?

«Тихая моя родина, ты все так же не даешь мне стареть и врачуешь душу своей зеленой тишиной!» «...

врачуешь душу...». Вот и ответ! Заболела, затомилась его душа.

И действительно, чувствуется в рассказе за всей этой красотой, за всем этим любованием большим и малым какая-то тоска. Понимаю, почему тоскую я, читая его: мне уже «за пятьдесят», я вступаю в ту пору, когда прошлое становится всё ближе и прекраснее:

Там парное по-прежнему пьет молоко

Деревенское вечное детство мое.

Но откуда эта тоска у молодого, тридцатишестилетнего, человека? Так не должно быть! Это неправильно!

«... врачуешь душу своей зеленой тишиной!» Чего-чего, а тишины здесь достаточно, ведь тут, «... где еще совсем недавно было так много деревень, ... теперь белеют одни березы». Но не наносит ли красивый вид с зеленого откоса еще один удар в израненную душу?

Мне кажется, что для Василия Ивановича пустеющая округа – это умирающий вместе с деревнями тот настоящий, нравственно чистый и разумно устроенный мир, имя которому «Русь». И мир этот ему нестерпимо жаль.

Мое сердце наполняется состраданием и сочувствием. Хочется лечь рядом и обнять его родную землю – мою родную землю, слушать теплоту его родимой травы – моей родимой травы.

Чем успокоить сердце, не верящее в обратную дорогу, но всё же ищущее ее? Может, сказать ему, что нет большой беды в том, что рождаются веселые, шумные города. Потому что вокруг них обязательно появляются дачи.

Дачные поселки – это не деревни? А может быть, они – новая форма существования деревни?

На дачи, как и в места своего детства, с первым теплым лучом валом валит уставший от шума и веселья городской житель. Зачем? За килограммом не «покупных» по-

мидорчиков? Или за жизненно необходимым самоощущением «хозяина своей земли»?

Еще год с небольшим – и время отмахнет полстолетия с тех пор, как Василий Иванович сидел у теплого стога и думал свою невеселую думу. Сбываются ли его худшие предчувствия, или мы еще не прошли «точку невозврата»?

Вопросы. Вопросы, на которые нет однозначного ответа.... Только шум летнего леса, круги на синей тугой воде и детский беззащитный писк комаров....

Я не люблю «деревенскую прозу». Почему? Потому что она заставляет трудиться мою ленивую душу.

Я не люблю «деревенскую прозу». Потому что она так прекрасна и больна сердцу, как прекрасна и больна очищающая «соленая роса», падающая сейчас на мое запястье.

Нина Дементий,

учитель русского языка и литературы «Шекснинской школы-интерната для обугающихся с ОВЗ».